

Глобализация и регионализация

Геннадий КОСОВ

ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛЬНОГО СОЦИАЛЬНО- ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

В статье выделяются и анализируются мегатренды, определяющие «лицо» современности. Доказывается, что галопирующее развитие новых рисков, формирование и эволюция общества риска, зарождение неототалитарных тенденций, политизация неполитических факторов наблюдаются как в мировом, так и российском социально-политическом пространстве. The article highlights and analyzes megatrends defining an «individuality» of the modernity. It is proved that galloping development of new risks, formation and evolution of a risk society, emergence of neo-totalitarian trends, politicization of non-political factors are observed both in the world and in the Russian social and political space.

Ключевые слова:

трансформация, социальные процессы, политические процессы, политическое пространство, новые риски, политизация неполитических факторов; transformation, social processes, political processes, political space, new risks, politicizing of non-political factors.

Глобализационные процессы, пронизывающие все стороны и общественной, и личной жизни, неизбежно приводят к социальным трансформациям, к изменению логики социального развития. Можно согласиться с Д.А. Лушниковым в том, что «в период социальной дезорганизации социальная система претерпевает существенные изменения в составе, структуре, функциях, системных границах, в системном окружении»¹. А глобализация неизбежно порождает волны социальной дезорганизации, что, в свою очередь, способствует запуску процесса самоорганизации и выводу социальной системы на новый уровень.

У. Бек доказывает, что «на наших глазах происходит одна из важнейших перемен в истории властных отношений»² — оформление метавласти, главным ресурсом которой является не угроза вторжения, а угроза «невторжения инвесторов» или же угроза их ухода. Эта форма господства основана не на исполнении приказов, а на возможности с большей выгодой вкладывать средства в другом месте, в других странах, вследствие чего возникает угроза отсутствия инвестиций в данную страну. Новая власть в этом смысле не опирается на насилие для навязывания своей воли другим, и поэтому она намного более подвижна, поскольку не зависит от места и, следовательно, применима в глобальном масштабе. Потенциал давления, которым обладает данная форма господства, совершенствует логику экономических действий и экономической власти: чего-то не делать, не инвестировать, не будучи при этом обязанным публично обосновывать свое поведение. Это, по мнению У. Бека, является основным рычагом власти субъектов мировой экономики.

XX век, век изменений в политической, экономической, социальной сферах, был сопряжен с появлением такого феномена, как общество риска. Основные его контуры, существенные, функциональные, институциональные и иные характеристики известны из работ У. Бека, Н. Лумана, Э. Гидденса, О. Яницкого. Необходимо констатировать, что общество риска — это реальность, которая, взвинчивая напряженность, создает условия для социальной, поли-

КОСОВ

Геннадий

Владимирович —
д.полит.н.,
профессор кафедры
международных
отношений,
мировой экономики
и международного
права Института
международных
отношений ПГЛУ
kossov1@yandex.ru

¹ Лушников Д.А. Социальная дезорганизация на микроуровне социальной реальности. — Ставрополь, 2005, с. 91.

² Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма: новая всемирно-политическая экономия. — М., 2007.

тической дестабилизации и в перспективе ведет к исчезновению человека как вида. У людей психологически возникает стремление к бегству от риска (по аналогии с бегством от свободы Э. Фромма), даже посредством возрождения на новом витке социального развития неототалитарных тенденций.

Формирующаяся ситуация глобальной дестабилизации ставит перед научным сообществом вызовы, связанные с поиском вариантов (путей) обеспечения безопасности. Ситуация глобального социально-экономического и экологического кризиса вынуждает мыслящих людей выработать иную (новую) логику социального развития, в основе которой будет лежать идея безопасности, т.е. основные контуры и механизмы построения общества безопасности.

Все предложенные современными западными и российскими учеными варианты информационного постиндустриального общества (по сути, такого же рискогенного, как и индустриальное) не ориентируются на идею безопасности как фундамента личной и социальной жизни. Сегодня, пытаясь найти выход из экономического, политического, экологического, нравственного кризиса, кровавых межрелигиозных и межэтнических конфликтов, человечество стоит перед выбором: насилие над Человеком и Природой, что, по мнению многих исследователей, равноценно гибели, самоуничтожению, или осознание и реализация принципиально отличной альтернативы.

По сути, переход к обществу безопасности предполагает выход на новый уровень социальной эволюции, где социальный транзит должен протекать не линейно (заданно, вперед от доиндустриального к постиндустриальному), а выйти на новый уровень социальной организации.

Но в условиях современного обострения ресурсной конкуренции неизбежна деструктуризация социума, снижение предсказуемости всех форм социального поведения. Эти процессы в совокупности образуют предпосылки для развития социальных, техногенных и иных катастроф. И особенно остро данные проблемы ощущаются в транзитивных обществах, таких как современная Россия.

Необходимо подчеркнуть, что в обыденном сознании представления о безопасности расплывчаты, поскольку люди скорее

чувствуют, чем четко осознают, что для них означает безопасность, воспринимают и оценивают ее в некоем образе, в совокупности всех ее граней, не отделяя одну от другой. Именно это и затрудняет выработку универсальных маркеров, позволяющих определить сущность общества безопасности. Таким образом, общество безопасности может быть и общество, которому благодаря технологиям манипуляции внушили идею счастья, и общество, в котором угрозы для личности, общества сведены к минимальным значениям.

Наше выживание зависит не столько от реформ, растянутых во времени и не всегда последовательных, строящихся на основе суперархетипа, а от существенной реорганизации всей цивилизации. Реорганизацию современной «агрессивной» цивилизации необходимо начинать с изменения ее основ, с изменения смыслового содержания культуры, т.е. духовной доминанты.

Еще одна из проблем, встающих перед научным сообществом, пытающимся нарисовать контуры общества безопасности, — это пути и средства его построения. Ведь и неототалитаризм как политический и социальный феномен, и неолиберализм могут служить ориентирами для его построения. На наш взгляд, в ситуации системного кризиса современная цивилизация и общество потребления, продолжая генерировать новые риски, больше склонны к первой тенденции. Один из признаков системного кризиса цивилизации — это разочарование людей в представительной демократии, девальвация ее институтов, а основными причинами подобного явления становятся общество потребления, экологическая деградация и ресурсное истощение.

Поэтому одной из тенденций развития современного мира является неототалитаризм. В мире позднего (второго) Модерна достаточно четко проявляются элементы, антитетичные, противоположные первому Модерну с его демократическими императивами (свобода слова, мысли и поступка, политическая независимость субъекта как мыслящего и действующего агента и пр.). Это позволяет говорить о сближении демократии и тоталитаризма¹. Наблюдается инверсия таких специфически модер-

¹ Джохадзе И.Д. Демократия после Модерна. — М., 2006, с. 14.

нистских качеств субъекта, как любознательность, целеустремленность, здоровый скептицизм, в постмодернистскую всеядность, рассеянность внимания и равнодушие, что отражает, по всей видимости, тенденцию общей дегенерации культуры и планомерной трансформации «современного» (либерально-демократического) общества в общество «постсовременное» (тоталитарно-демократическое). Можно согласиться с И.Д. Джохадзе, что постмодернистская революция снимает дисциплинарные ограничения и табу, действовавшие в модернистском обществе, и распространяет законы капиталистического производства на всю область человеческой жизнедеятельности. Он доказывает, что отныне смерть, страх и боль — все то, что прежде считалось противоестественным и несущим в себе угрозу безопасности человека, становится товаром для потребителя, объектом спекулятивной манипуляции, массового тиражирования.

На наш взгляд, империалистические тенденции, выражающиеся в неокOLONIALИЗМЕ, будут занимать все большее место в современном геополитическом процессе. Представляется возможным говорить не просто о «реставрации» традиционного империализма, а о появлении новой его разновидности, которая может получить название информационного империализма, связанного с информационной колонизацией иных территорий. Опираясь на факты новейшей политической истории, можно констатировать, что утверждение об изменении места и роли коммуникаций в политике, связанной с экспансией в политическом, социокультурном пространствах, справедливо.

Окажет ли рост интернет-активности в России долгосрочное влияние на будущее страны? На наш взгляд — нет. Все большее погружение в Интернет, который, по сути, является тоталитарным социальным институтом, приведет к формированию поколения, у которого будет множество второстепенных интересов, но которое станет абсолютно нерешительным и безответственным в общественной жизни. «Эти люди будут обладать широкой осведомленностью. И нулевыми убеждениями»¹.

Что позволяет говорить о том, что Интернет выступает как тоталитарный

социальный институт? И. Гофман выделяет следующие признаки определенного типа социальных институтов, которые он назвал «тотальными»: изоляция от внешнего мира; постоянное общение с одними и теми же людьми, с которыми индивид работает, отдыхает, спит; переименование, замена старого имени на «номер» и получение статуса; замена старой обстановки на новую, обезличенную; утрата прежней идентификации, которая происходит через ритуал переодевания — сбрасывание гражданской одежды и облачение в специальную форму; утрата свободы действий². Пребывание в условиях, обеспечиваемых таким институтом, по словам И. Гофмана, приводит к десоциализации индивида. Нельзя не заметить наличия большинства признаков, выделенных американским социологом, у основных типов интернет-сообществ.

При этом И. Гофман говорит о том, что индивид, находящийся в условиях «тотального института», подвергается такой глубокой десоциализации, которая может разрушить нравственные основы личности, тогда как ресоциализация в отношении такого человека может быть лишь поверхностной. Данный процесс десоциализации носит следующие черты: изменение индивидом своего поведения; сужение круга знакомых до предстателей интернет-сообщества, постепенное выпадение из круга тесного общения друзей или близких; наличие характерной для интернет-сообществ субкультуры; запретительность многих норм, установленных в интернет-сообществах; неудовлетворенность индивида статусом в реальном сообществе и возможность менять его в сообществе виртуальном. Но таким образом проявляется нисходящая мобильность.

Можно сделать вывод, что количественный и качественный рост средств массовой информации и коммуникации без сильных неправительственных организаций, независимых судов и резонанса в СМИиК — только лишь обмен мнениями в социальных сетях и Интернете, который не может

² Гофман И. Характеристики тоталитарного учреждения // Элементы социологической теории. — Варшава 1975, с. 151–152; он же. Анализ Фреймова: Эссе об организации повседневного опыта. — М.: ИС РАН, 2003, с. 62–67; он же. Порядок взаимодействия // Теоретическая социология: антология. В 2 ч. / пер. с англ., фр., нем., ит., сост. и общ. ред. С.П. Баньковской. — М.: КД «Университет», 2002, ч. 2, с. 60–104.

¹ Babaeva S. Twitter and the Kremlin // The National Interest, 2010, 9 avr.

превратиться в действенный протест и способствовать формированию демократических политических практик. Мы считаем, что современный гражданин, наоборот, все больше превращается в обывателя, в зрителя бесконечного интерактивного «постановочного действия» («общество театра»), заменившего реальное политическое противостояние, и утрачивает способность к самостоятельным политическим оценкам, к выбору, самоорганизации, что чревато деполитизацией общества.

Известно, что тоталитаризм возникает тогда, когда из общества «выскабливается» последний человек, считающий себя человеком. Именно возведение в культ «серого» человека приводит на практике к массовизации общества и сознания. Механизм «выскабливания», помимо прочего, состоял из средств массовой информации, института образования и структур производства и трансляции страхов.

Как ни странно, но к структурам производства и трансляции страхов можно отнести и такой социальный институт, как образование. В обществах, находящихся на этапе стабилизации развития, когда необходимо сдерживать людей в очерченных властью рамках дозволенности, школа, по мнению М. Фуко, превращается в дисциплинарное пространство. Дисциплина (и страх здесь есть метод дисциплинарного воздействия) направлена на нейтрализацию опасности, играет положительную роль при «изготовлении полезных индивидов»¹. Отсюда, продолжает Фуко, ее военные функции, производство и передача знаний и трудовых навыков. Школа становится казармой.

Ситуация социального транзита в современной России усугубляется тем, что помимо глобализационных тенденций, характерных для многих других стран, в российской реальности разрушены старые (советские) ценности, а новая ценностная шкала в виде социального идеала еще не создана. Причем разрушение социального идеала происходит на фоне кризисных явлений в наиболее устойчивых основаниях социума, к которым человек обращается, прежде всего, в переломные моменты: в семье, этносе, религии.

В современном западном мире наблюдается тенденция к «трансформации интим-

ности»: глубинные изменения в сексуальных, любовных, брачных, дружеских и родственных отношениях. Новые модели и отношения перешли из разряда социального института в инструмент эмоциональной саморегуляции индивида. Э. Гидденс пишет о тотальной, всеобъемлющей индивидуализации, дестрадиционализации, затронувшей интимные стороны европейцев². Подобные тенденции наблюдаются и в России. Так, в современном российском обществе усиливаются тенденции к сокращению брачности, росту числа разводов, неполных семей, повышению доли нуклеарных и уменьшению доли сложных семей, малодетности, что приводит к преувеличению смертности над рождаемостью, а в конечном итоге — к негативным демографическим, социальным и политическим последствиям.

Жозеф де Местр утверждал, что «все вообразимые учреждения покоятся на религиозной идее, ибо она непреходяща»³, а М. Вебер полагал, что именно религиозные принципы являются определяющими в политической и экономической деятельности общества. Т. Парсонс считал, что религия призвана поддерживать в обществе социальный порядок. Современный немецкий философ Петер Козловски прямо говорит: «Вне религии практически нет никаких фактических гарантий поддержания и сохранения социального этноса»⁴.

Но, как нам представляется, именно в конце XX в. этнический и религиозный факторы начинают играть все более заметную роль в социальном и политическом процессах благодаря искусственному их использованию. Эти факторы перестают быть толерантно ориентированными социальными паттернами и в руках тех или иных политических акторов становятся основой роста социальной напряженности и конфликтов. Все это позволяет нам говорить, что в ситуации социального транзита ни образование, ни семья, ни этнос, ни религия не могут выступать в роли устойчивых социальных оснований.

² Гидденс Э. Трансформация интимности. — СПб. : ИД «Питер», 2004.

³ Местр Ж., де. Рассуждения о Франции. — М., 1997, с. 70.

⁴ Козловски П. Общество и государство: неизбежный дуализм. — М., 1998, с. 288.

¹ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. — М., 1999, с. 272–273.